

„БЛАГОДѢТЕЛИ МОИ И МОЕГО РОДА“.

Воспоминанія священника Михаила Діева.

(1794—1866.)

Съ предисловіемъ А. А. Титова.

Въ 1889 году мнѣ удалось приобрести почти все рукописное собраніе сочиненій провинціального ученаго священника Діева отъ его наслѣдниковъ, съ правомъ печатанія.

Въ числѣ неизданныхъ сочиненій М. Я. Діева, между прочимъ, нашлась тетрадка, къ сожалѣнію неоконченная, подъ названіемъ „Благодѣтели мои и моего рода.“ Въ этой тетрадкѣ сельскій священникъ, жившій въ захолустной слободѣ „Сыпановой“, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нерехты, Костромской губерніи, упоминаетъ, между прочимъ, и о такихъ историческихъ лицахъ, какъ поэтъ Жуковскій, А. Н. Муравьевъ, графъ Протасовъ, С. С. Уваровъ, графъ С. Г. Строгановъ, Евгений Болховитиновъ и М. П. Погодинъ. Положимъ, что воспоминанія отца Діева односторонни и касаются большею частію личныхъ его отношеній, но они все таки очень любопытны.

Считаемъ нелишнимъ сообщить и небольшой біографическій очеркъ автора печатаемаго сочиненія на основаніи матеріаловъ, сообщенныхъ нами въ 1887 году въ Императорское Общество Исторіи и Древностей, по поводу переписки о. Діева съ секретаремъ Общества И. М. Снегиревымъ *).

„Протоіерей Михаилъ Діевъ, сынъ священника, род. въ 1794 г. По окончаніи курса ученія въ Костромской Семинаріи студентомъ, въ 1813 г. Ноября 1-го посвященъ во священника къ Успенской церкви села Тетеринскаго; съ 1823 г. нѣсколько разъ былъ депутатомъ, 1827 г. 8 Іюня опредѣленъ учителемъ Закона Божія въ Нерехотское уѣздное училище, гдѣ съ Мая 1829 г. по 10 Іюня 1830 г. исправлялъ должность учителя 1-го класса; 8 Марта 1829 г. признанъ сореоветелемъ Императорскаго Общества

*) Матеріалы для Исторіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Чтенія 1887 г., кн. 1-я

Исторіи и Древностей Россійскихъ, на каковое званіе того же года, 10 Декабря, снабженъ дипломомъ; 31 Мая 1830 г. признанъ сотрудникомъ Общества Любителей Россійской словесности; 5 Ноября 1832 г. дѣйствительнымъ членомъ того Историческаго Общества, на каковое званіе и снабженъ дипломомъ; за сочиненіе Исторіи владыкъ Новгородскихъ, 13 Мая 1837 г., всемилостивѣйше награжденъ золотыми часами. Награжденъ денежными преміями: 1 Декабря 1838 г. отъ того Историческаго Общества за статью „О вѣрахъ,“ напечатанную въ 1 томѣ Русскаго Историческаго Сборника; Августа 17 дня 1839 г., и отъ министра народнаго просвѣщенія за статью „Изъясненіе словъ Правды Русской,“ напечатанную въ журналѣ Министерства за Августъ 1839 г. Съ Мая 1838 г. находился, безъ полученія жалованья, законоучителемъ въ благородномъ пансіонѣ при Нерехотскомъ Маріинскомъ женскомъ училищѣ; въ Комиссіи Святѣйшаго Синода о исправленіи Исторіи Россійской ерархіи былъ сотрудникомъ (указъ Синода отъ 17 Іюня 1848 г.); Марта 23 дня 1846 г., за полезную службу при женскомъ училищѣ награжденъ набедренникомъ, за труды при томъ училищѣ ревизовавшимъ въ 1845 году по высочайшему повелѣнію Костромскую губернію сенаторомъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ изъявлена благодарность, которую резолюціею преосвященнаго велѣно вносить въ послужной списокъ (указъ Духовной Консисторіи 31 Іюня 1846 г.). По училищному вѣдомству изъявлены благодарности: отъ попечителей Московскаго Учебнаго Округа за уѣздное училище: 17 Іюня 1837 г.; за пансіонъ: 3 Іюня 1841 г., 25 Января 1848 г., 12 Апрѣля 1852 г. отъ министра народнаго просвѣщенія за пансіонъ 17 Іюня 1849 г. За безвозмездное обученіе въ пансіонѣ всемилостивѣйше награжденъ, 1 Іюня 1849 г. фиолетовою скуфьею; 16 Апрѣля 1855 г. камилавкою, а 14 Мая 1860 г., за отлично-усердную службу по духовному вѣдомству, наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ. 1850 г., указомъ Духовной Консисторіи отъ 20 Іюня, за усердные и полезные труды въ пансіонѣ, засвидѣтельствованные членомъ Консисторіи протоіереемъ Заринымъ, назначеннымъ отъ архіерея для наблюденія за состояніемъ преподаванія Закона Божія, объявлена признательность епархіальнаго начальства со внесеніемъ въ послужной списокъ. По программѣ Святѣйшаго Синода для церковно-историческаго обзора Костромской губерніи преосвященнымъ, въ Февралѣ 1851 г., изъ восьми статей поручено ему пять, кои, кончивъ въ Іюнь того же года, и представилъ его преосвященству. По окончаніи 25 лѣтней законоучительской должности въ уѣздномъ училищѣ, утвержденъ въ 1852 г. во вторичной службѣ съ полною пенсіей и жалованьемъ. По представленію его преосвященства за усердную службу преподано ему 29 Апрѣля 1852 г. благословеніе Святѣйшаго Синода; таковое-же синодальное благословеніе получилъ 21 Мая 1853 г. Съ утвержденія г. министра внутреннихъ дѣлъ 24 Декабря 1854 г., признанъ членомъ-корреспондентомъ Костромскаго Статистическаго Комитета. За выслугою назначеннаго министромъ народнаго просвѣщенія тридцатилѣтняго срока по уѣздному училищу отъ должности законоучителя уволенъ съ

награжденіемъ пенсіею за вторичную службу. По мнѣнію Московскаго митрополита Филарета, разсматривавшаго, по порученію Св. Синода, сочиненіе о. Діева: „Повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами,“ награжденъ 4 Сентября 1857 г. саномъ протоіерея. Въ уваженіе особенныхъ заслугъ опредѣленъ благочиннымъ надъ своею церковью 27 Сентября 1857 г.; 16 Сентября этого же года назначенъ епархіальнымъ начальствомъ наблюдать надъ успѣхами въ Законѣ Божіемъ по Нерехотскимъ училищамъ: уѣздному Маріинскому и приходскому. 6 Мая 1858 г. возложенъ бронзовый крестъ за войну 1853—1856 г.г. Священникомъ Троицкой церкви въ Сыпановой слободѣ назначенъ 18 Августа 1832 года. По резолюціи преосвященнаго Костромскаго отъ 31 Января 1832 г. предписано ему, Діеву, о себѣ отмѣчать такъ: „подъ судомъ не состоитъ; прежде же касавшіяся до него дѣла по опредѣленію Св. Синода отъ 18 Сентября 1840 г. признаны маловажными“. 18 Августа 1865 г. въ рапортѣ на имя преосвященнаго Платона, епископа Костромскаго, благочинный, протоіерей Михаилъ Діевъ писалъ: „Находясь въ санѣ священника 52 года, исполнялъ я эту должность со всевозможнымъ стараніемъ, за чтó и бывалъ награждаемъ начальствомъ. Въ исходѣ 52 года службы моей я совершенно разстроился въ здоровьи и по причинѣ ослабленія нынѣ моего организма возложенной на меня священнической должности исполнять не могу. А потому, въ удостовѣреніе этого прилагая при семъ медицинское свидѣтельство Нерехотскаго уѣзднаго врача Федорова, осмѣливаюсь просить ваше преосвященство уволить меня какъ отъ должности священника, такъ благочиннаго по XII округу и депутата по Нерехотскимъ училищамъ“. Въ приложенномъ медицинскомъ свидѣтельствѣ значится: „И нижеподписавшійся по совѣсти сямъ удостовѣряю, что протоіерей Сыпановой слободы о. Михаилъ Діевъ, являющій отъ роду 71 годъ, послѣ бывшаго въ Мартѣ мѣсяцѣ апоплексическаго удара, страдаетъ параличемъ: правой рукой не владѣетъ, безъ посторонней помощи встать съ мѣста не можетъ, память и соображеніе также повреждены и потому должности священника исполнять не въ состояніи“.

На вышеизложенномъ прошеніи о. Діева послѣдовала резолюція преосвященнаго Платона: „1865 г. Августа 12 дня: 1) согласно прошенію достопочтеннѣйшій о. протоіерей увольняется отъ обязанностей приходскаго священника, благочиннаго церкви Сыпановой слободы и депутата при испытаніи въ свѣтскихъ училищахъ; 2) церковь с. Сыпанова причислить ко второму благочинническому Нерехотскому округу; 3) на праздное священническое мѣсто перемѣщается священникъ Чухломскаго уѣзда, села Михайловскаго Василій Малиновскій“.

Вскорѣ послѣ этого, а именно: 3 Февраля 1866 г. о. Михаилъ Діевъ скончался и погребенъ при церкви села Ильинскаго, чтó на рѣкѣ Мезѣ, Костромскаго уѣзда.

Въ неофіціальной части Костромскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей помѣщены въ разное время слѣдующія статьи о. Михайла Діева:

1855 г. № 27: Посвященіе Костромской стороны сначала Московскимъ митрополитомъ Платономъ, послѣ того императоромъ Павломъ I-мъ.

1857 г. № 21—25. Генералъ-губернаторъ для Костромской стороны въ отношеніяхъ: нравственномъ, строительномъ, и образовательномъ, въ царствованіе императрицы Екатерины Великой.

1857 г. № 34, 36—40. Историческій обзоръ обширности древней Костромской области.

1858 г. № 17. Несудимая грамота отъ патріарха всея Россіи Филарета Песошенскому Игрицкому монастырю, 1629 г. 30 Августа.

1858 г. № 35—38. Укрѣпленные мѣста древней Костромской губерніи.

1859 г. № 10, 11, 12. Солигаличъ.

1861 г. № 48 и 49. Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ.

1864 г. № 1. Городъ Нерехта въ первые годы царствованія императрицы Екатерины Великой. За тѣмъ въ Губернскомъ Статистическомъ Комитетѣ находится рукопись вышеприведенной статьи о. Діева: Какой народъ населялъ въ древнія времена Костромскую сторону и т. д.

Въ изданіяхъ Общества Исторія и Древностей о. Михайломъ Діевымъ напечатаны слѣдующія статьи: 1) О вирахъ у Россіанъ X и XI вѣка (Сбор. 1, кн. 2); 2) Какой народъ въ древнія времена населялъ Костромскую сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ. (Чтенія 1865 г. IV); 3) Моровыя повѣтрія въ Костромской сторонѣ въ 1654 и 1771—1772 г. г. (Чтен. 1859 г. III); 4) Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго уѣзда (Чтенія, перв. годъ 1845—46, II).

Кромѣ того въ нашемъ рукописномъ собраніи находится нѣсколько статей о. Діева, еще нигдѣ не напечатанныхъ, напр.: „Можно-ли Новгородскую лѣтопись попа Ивана приписывать Новгородскому архіепископу Іоанну I?“ „Корнилій, игуменъ Псковскаго Печерскаго монастыря, не одно-ли лицо съ Корнилиемъ, епископомъ Юрьево-Лпвонскимъ?“ и другія.

Впрочемъ, въ послѣдніе годы своей жизни покойный Діевъ мало имѣлъ времени писать для печати. Въ одномъ изъ своихъ писемъ О. М. Бодянскому онъ говоритъ: „Сколь ни глубоко я проникнутъ чувствомъ признательности, но снѣдаюсь совѣстію, что, получая всѣ изданія Общества, нимало не заслуживаю сего. Сколько бы ни желалъ я участвовать чѣмъ-либо въ трудахъ Общества, но, право, не имѣю времени, будучи постоянно занятъ по Синодальной Коммиссіи о поправленіи Исторіи Россійской Іерархіи, особенно съ того времени, какъ за повѣрку іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами награжденъ былъ повышеніемъ моего сана. Впрочемъ, этотъ трудъ почти въ концѣ: остается только повѣрить по епархіямъ юго-западной Россіи закрытыя епископіи; тогда, надѣюсь, будетъ

свободите. При семъ осмѣливаюсь просить милостиваго воззрѣнія на статью о Симонѣ Лаговскомъ; она представлена въ Общество случайно и доставлена въ Москву изъ продолжаемаго мною, по порученію моего архипастыря, сочиненія: „112 лѣтъ Костромской епархіи“. Сознаю самъ, что многое надобно исключить, особенно по части архипастырскихъ предписаній для епархіи; я-же писалъ не для печати, а помѣщалъ тутъ все, что попадалось мнѣ подъ руку, по пословицѣ: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“. Особенно занялъ меня свѣдѣнія о Костромской Семинаріи, для чего собрано у меня довольно данныхъ, чего не осталось уже при Семинаріи, гдѣ архивъ сгорѣлъ въ ужасный пожаръ Костромы 1847 года. При семъ милостиво принять прошу двѣ статьи, напечатанныя въ Костромскихъ Вѣдомостяхъ, составленныя мною по настоянію начальника губерніи“ (22 Мая 1858 г.).

Изъ любознательной переписки о. Діева съ И. М. Снегиревымъ намъ извѣстно, какъ много поработалъ о. Діевъ на пользу исторіи, археологіи и, главное, этнографіи. Трудami его пользовались не только Снегиревъ и Евгеній Болховитиновъ, митрополитъ Кіевскій, но и многіе другіе, въ числѣ которыхъ, какъ намъ передавали, былъ и самъ авторъ „Обзора Русской духовной литературы,“ преосвящ. Филаретъ, архіепископъ Черниговскій. Что о. Діевъ занимался Словаремъ писателей духовнаго чина, это видно изъ его писемъ: „Продолженіе Словаря писателей духовнаго чина, при помощи Божіей, въ Январѣ 1842 г. мною кончено *)“, и затѣмъ онъ опять пишетъ: „На дняхъ я получилъ отъ брата моего 50 листовъ печатаемаго Россійскою Академіею описанія рукописей Румянцевскаго Музеума; оно много помогаетъ мнѣ дополнить Словарь духовныхъ писателей“.

Добросовѣстный труженикъ нашего историческаго самопознанія есть явленіе достопамятное. Изъ Костромской глуши, изъ обстановки неблагопріятной и часто-враждебной, всю жизнь рвался онъ на свѣтъ и просторъ образованности. Печатаемое здѣсь посмертное сочиненіе о. Михаила Яковлевича Діева замѣняетъ намъ отчасти его автобіографію.

А. Титовъ.

Ростовъ-Ярославскій.
1891 г. Марта 8.

*) Письмо Діева къ Снегиреву.

Благодѣтели мои и моего рода.

(1865 года).

Сыпанова Слобода Костромской епархіи.

I.

Василій Андреевичъ Жуковскій, извѣстный поэтъ. Когда Наслѣдникъ престола, Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, 13 Мая 1837 года, по прибытіи въ Нерехту, проѣхалъ въ соборъ, Василій Андреевичъ Жуковскій, принявъ мою исторію о Владыкахъ Новгородскихъ отъ Константина Карлыча Бошняка, встрѣтилъ на квартирѣ Цесаревича и показалъ мою исторію, сказавъ: «каковы здѣсь сельскіе священники!» По вызовѣ меня Цесаревичемъ въ квартиру, когда Его Императорское Высочество изволилъ обѣдать, Василій Андреевичъ обласкалъ меня и потомъ при представленіи моемъ Цесаревичу передалъ ему, что я на жалованье законоучительское приобрѣлъ библіотеку, много рукописей. Онъ много содѣйствовалъ къ тому, что тогда я былъ отъ Его Высочества награжденъ золотыми часами. Во всю бытность Цесаревича въ квартирѣ, я находился около часа времени безотлучнымъ при Василіѣ Андреевичѣ, который, выѣзжая изъ Нерехты, исторію о Владыкахъ читалъ въ коляскѣ дорогою.... Павелъ Петровичъ Свининъ, извѣстный литераторъ, приглашенный въ Костромѣ на другой день Наслѣдникомъ къ обѣду, передавалъ разговоръ обо мнѣ. Цесаревичъ въ началѣ обѣда, обратясь къ епископу Владимиру, сказалъ: «Діевъ въ вашей епархіи ученѣйшій». Владыко въ отвѣтъ: «за нимъ много дѣлъ». Наслѣдникъ: «Я говорю не о томъ, а что Діевъ ученѣйшій». Архіерей опять сказалъ: «за нимъ много дѣлъ». Наслѣдникъ прервалъ разговоръ и за обѣдомъ болѣе ни объ чемъ съ владыкою не разговаривалъ. Это, кажется, было причиною тѣхъ моихъ огорченій, какія я понесъ отъ епископа Владимира въ 1839 и 1840 годахъ.

Василій Андреевичъ съ роднымъ братомъ Константиномъ Карловича, Александромъ Карловичемъ Бошнякомъ, обучался въ Московскомъ университетѣ и по своей бѣдности получалъ вспоможенія отъ родной бабушки Бошняковъ, Марьи Семеновны Аже, которую по признательности во всю жизнь называлъ матерью. Когда же Василій Андреевичъ узналъ о кончинѣ

Александра Карлыча, то при свиданіи съ Константиномъ Карлычемъ сказалъ: «ты будешь отъ нынѣ на его мѣстѣ моимъ братомъ». О подаркѣ за исторію Владыкъ Новгородскихъ опубликовано въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. 1847 года за Августъ.

II.

Андрей Николаевичъ Муравьевъ, извѣстный путешествіями по Святой Землѣ и по святымъ Русскимъ мѣстамъ. Въ бытность мою въ Москвѣ я представлялся ему 8 Іюля 1832 года, будучи съ нимъ ознакомленъ моимъ благодѣтелемъ, Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ, съ коимъ тогда я и былъ у него въ Сентябрѣ того года. Отъ Андрея Николаевича я получилъ въ даръ его Путешествіе по святымъ мѣстамъ въ 1830 году, въ 2 томахъ, за его собственноручною подписью. Когда епископъ Владимиръ въ Сентябрѣ 1839 года наложилъ на меня священнослуженія запрещеніе, добрый братъ мой, Платонъ Яковлевичъ Актовъ, получивъ объ этомъ извѣстіе въ С.-Петербургѣ и зная, что я былъ въ Москвѣ, съ ходатайствомъ обо мнѣ обратился къ Андрею Николаевичу, который, услышавъ обо мнѣ, сказалъ: «Это Михайло Яковличъ; я его очень помню». Съ той поры Андрей Николаевичъ усердно обо мнѣ въ столицѣ ходатайствовалъ, пользуясь отличнѣйшимъ уваженіемъ С.-Петербургской знати. Кстати разсказать здѣсь: въ то время, какъ послѣдовало то запрещеніе, Платонъ Яковлевичъ, прежде нежели объ моемъ несчастіи получилъ письмо, видѣлъ меня во снѣ, что я печальный прошу его помощи; по этому случаю онъ писалъ въ Кострому тогда же къ зятю Алексѣю Степановичу Вознесенскому извѣстить его, здоровъ ли я. Когда въ 1842 году представилъ я синодальному оберъ-прокурору замѣчанія на Никодима Селлія, то разсмотрѣніе оныхъ поручено Муравьеву, который далъ слѣдующій отзывъ: «Изслѣдованія о исторіи Россійской іерархіи въ рукописи священника Діева, которыя его сіятельство поручилъ мнѣ разсмотрѣть, заслуживаютъ особенное вниманіе по глубокимъ свѣдѣніямъ, какія показалъ Діевъ въ семъ предметѣ, не имѣя почти никакихъ средствъ по мѣстному своему положенію для подобныхъ ученыхъ изысканій. Такъ какъ по кончинѣ преосвященнаго Евгенія, митрополита Кіевскаго, трудъ исправленія книги Исторія Россійской Іерархіи препорученъ Святѣйшимъ Синодомъ двумъ Ставропигіальнымъ Московскимъ архимандритамъ Теофану и Аполлосу, то и сія тетрадь священника Діева можетъ принести великую пользу при ихъ изысканіяхъ; а между тѣмъ и самое назначеніе сего ученаго священника въ сотрудники обоимъ архимандритамъ могло бы много содѣйствовать къ успѣху сего общепользнаго и необходимаго дѣла». Вслѣдствіе сего отзыва Святѣйшимъ Синодомъ признанъ я сотрудникомъ

сей Коммисіи о исправленіи Исторіи Россійской Іерархіи, о чемъ и дано знать синодальнымъ указомъ отъ 17 Іюня 1852 года на имя Владимира, епископа Костромскаго и Галичскаго. Жаль, что 1-й томъ Путешествія съ надписью Андрея Николаевича одна изъ помѣщицъ здѣшняго уѣзда зачитала; но по особенному предчувствію, отдавая ей книгу, листъ съ надписью я вынулъ и ей не отдалъ. Почему этотъ листъ я вклеилъ въ 1 томъ 3 изданія, который я берегу, какъ святыню.

Изъ ученыхъ моихъ сношеній съ Андреемъ Николаевичемъ представилъ я ему жизнь преп. Аврамія Чухломскаго, мною составленную.

III.

Марья Семеновна Аже, помѣщица села Есипова, находящагося отъ Перехты въ 10 верстахъ. Въ 1817 году, во Вторникъ на Страстной, безъ всякаго знакомства вдругъ получаю приглашеніе ее исповѣдывать. Принятый ею ласково и исполнивъ священническую обязанность, долго я былъ въ недоумѣніи, особенно въ томъ, понравилось ли ей дѣло моего служенія, какъ лѣтомъ того года имѣлъ случай въ Тетеринскомъ пригласить въ домъ роднаго внука ея Александра Карловича Бошняка, бывшаго тутъ для ревизіи магазина, по долгу уѣзднаго предводителя. При угощеніи чаемъ и ржанымъ пирогомъ, Александръ Карлычъ сказалъ: «объ васъ моя бабушка сказала мнѣ много чуднаго». Послѣ того приглашенный на освященіе въ Есиповѣ храма въ настоящей церкви, я съ нимъ сошелся еще ближе. За обѣдомъ, довольно блистательнымъ, во весь столъ разговоры Александра почти были только со мною, особенно касательно религіи: когда оныя обращались въ горячій споръ, то князь Черкасскій Дмитрій Александровичъ, сидя близъ Марьи Семеновны, спросилъ обо мнѣ, кто я? Она вполголоса отвѣтила: «духовный мой отецъ; хоть и молодъ, его станетъ». Въ двухдневное тогда мое пребываніе въ Есиповѣ Александръ былъ почти не разлученъ со мною. Тогда однажды онъ сказалъ мнѣ: «Да, я вижу, что свѣтская ученость есть суета» *). Послѣ того я многократно гостилъ у Александра Карлыча по нѣскольку за разъ дней. Однажды барышни,

*) Тогда Александръ Карлычъ изъ Савиковъ (обыкновенномъ ихъ жительство въ верстѣ отъ Есипова) сочинялъ романъ „Ягупъ Скупаловъ“ послѣ того напечатанный. Здѣсь подъ вымышленными именами описано Нерехотское дворянство. Это сочиненіе сравнило его съ Фонъ-Визинимъ; но главное его въ Савиковѣ было занятіе въ ботаникѣ здѣшняго климата; для снятія рисунковъ онъ обучилъ живописи двухъ своихъ дворовыхъ, коимъ около 1820 г. далъ свободу, и они послѣ того были на Араратѣ съ однимъ изъ Русскихъ путешественниковъ. Около 1828 г. Общество Испытателей Природы признало его дѣйствительнымъ членомъ.

сестры его, Анна и Надежда Карловны, поутру сказали: «сегодняшнюю ночь, какъ легли вы спать, мы слушали о чемъ вы съ братомъ разговаривали». Кстати здѣсь разсказать объ Аннѣ Карловнѣ. Около 1818 года, возвратясь изъ путешествія, она хотѣла говѣть. Когда бабушка предлагала исповѣдаться у меня, она сказала: «онъ молодъ, я исповѣдуюсь у Протасовскаго священника» (онъ только возвратился изъ полковъ, служивъ тамъ священникомъ). На другой Великій постъ Анна сказала: «бабушка, я не иду къ полковому, а къ вашему духовнику, отцу Михаилу». Марья Семеновнѣ хотѣлось видѣть попадью мою, и когда я съ нею прѣхалъ въ Савиково, то нечаянно являюсь къ ней и нахожу ее зашпиливающую кусокъ терновой матеріи мнѣ на рясу. Когда она узнала стороною, что моя благовѣрная беременна, то вызвалась быть восприемницею; но при рожденіи Анны Михайловны, 19 Октября 1819 г., на крестины не поѣхала за нездоровьемъ, отозвалась: «меня на крещеніи помяните вмѣстѣ съ заочнымъ кумомъ Александромъ; онъ давно говорилъ объ этомъ, а вмѣсто себя посылаю Надежду». Александръ Карлычъ, по должности предводителя, тогда проживалъ въ Костромѣ. Вообще вниманіе ко мнѣ Савиковскаго дома было неизъяснимо; не по единъ разъ случалось мнѣ слышать: «мы васъ почитаемъ за роднаго». Марія Семеновна, oprичъ Великаго поста, всегда говѣла въ Господинки; но прочіе, Анна, Надежда и Константинъ Карлычъ, исповѣдывались только на Страстной, Александръ же никогда. Наконецъ, Великимъ постомъ 1820 года получаю отъ Марьи Семеновны записку....

На Страстной онъ у меня исповѣдывался. Никогда мнѣ не случилось видѣть въ исповѣдникѣ столь горячую искренность, слезы обильно оросили ланиты его; получивъ христіанское разрѣшеніе, онъ съ восторгомъ сказалъ: «слава Богу, теперь я спокоенъ». Осенью того же года, для поправленія своихъ экономическихъ дѣлъ, онъ оставилъ Савиково и переселился въ Елисаветградъ, въ уѣздѣ коего была его вотчина, деревни Водово и Екатериновка. Марья Семеновна, не смотря на глубокую престарѣлость, будучи отъ роду слишкомъ 80 лѣтъ, отправилась съ нимъ, открывъ мнѣ: «Боюсь, чтобы тамъ онъ не совратился на прежній путь, тамъ много военныхъ; съ этимъ намѣреніемъ я сблизилась съ нимъ васъ, и слава Богу, Господь привелъ его обратить на путь истины». Въ тотъ день, когда она отъѣзжала, книгъ 15 она подарила мнѣ и когда я отрекался принять, она какъ бы пророчески сказала: «примите, батюшка; эти книги будутъ основаніемъ вашей богатой библіотеки». Тогда она предсказала и о своей кончинѣ: «я дотолѣ буду жива, доколѣ благополученъ Александръ». Такъ она называла Александра Карлыча. Это исполнилось чрезъ нѣсколько лѣтъ. Въ 1825 году, когда осенью императоръ Александръ путешествовалъ

въ Крымъ и когда находился въ Елисаветградѣ, то, при содѣйствіи графа Витта, управлявшаго военнымъ тамъ поселеніемъ, Александръ Карловичъ, допущенный до аудіенціи, открылъ Государю о заговорѣ замѣнить монархическое правленіе Россіи республиканскимъ. По его открытію, съ приказанія Императора, въ ту же осень были арестованы около Кіева главные заговорщики Пестель и Апостолъ-Муравьевъ; съ 19 на 20 Ноября неожиданно послѣдовала кончина Александра Павловича. Для раскрытія заговорщиковъ Александръ Карлычъ въ исходѣ 1825 года, по волѣ нынѣ царствующаго Монарха, былъ потребованъ въ С.-Петербургъ. Поутру отправился, какъ къ вечеру Марья Семеновна потребовала духовника, приобщилась Св. Таинъ и по особорованіи тихо отошла ко Господу, прежде нежели исполнились сутки внукова отбытія. Ее погребли по завѣщанію ея въ Золотоношскомъ женскомъ монастырѣ. Александръ Карлычъ, обличаемый заговорщиками въ участіи злоумышленія подпискою въ земской книгѣ, совершенно оправдался въ столицѣ и благополучно опять прибылъ въ Елисаветградъ. Послѣ того императоръ Николай Павловичъ оказывалъ ему благосклонное вниманіе и въ бытность свою въ Новороссійскомъ краѣ, въ знакъ благоволенія, подарилъ его драгоцѣннѣйшимъ перстнемъ, снявъ его съ своей руки. Послѣ того Александръ Карлычъ въ Турецкую войну присутствовалъ въ Молдавскомъ диванѣ въ Бухарестѣ. Когда открылась Польская война, онъ и тамъ служилъ съ пользою отечеству, какъ неожиданно съ кучеромъ и своимъ камердинеромъ, при переѣздѣ изъ мѣста въ мѣсто, былъ злодѣйски застрѣленъ за открытіе въ 1825 году заговора. Константинъ Карлычъ изъ богатой его библіотеки ботаническихъ книги, равно рисунки и прочія его сочиненія, пожертвовалъ въ Общество Испытателей Природы; представлено туда и краткое его жизнеописаніе на Французскомъ языкѣ, составленное Константиномъ Карлычемъ и напечатанное въ Бюллетенѣ издаваемомъ Обществомъ. Константинъ Карлычъ въ этомъ Обществѣ находится почетнымъ членомъ. Когда въ Маѣ 1837 г. Государь Наслѣдникъ былъ въ Костромѣ, Цесаревичъ пожелалъ видѣть Константина Карлыча и въ собраніи чиновъ и дворянъ, взявъ за руку, сказалъ: «Государь, отецъ мой, помнитъ заслуги вашего брата».

IV.

Константинъ Карлычъ Бошнякъ, родной внукъ Марьи Семеновны Аже-отъ дочери ея Надежды Александровны, бывшей въ супружествѣ за Карломъ Ивановичемъ Бошнякомъ, сыномъ Ивана Константиновича Бошняка, извѣстнаго патріотическими дѣйствіями противъ Пугачева, коменданта города Спратова. Какимъ явился для меня въ Москвѣ ан-

геломъ-хранителемъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, такимъ въ Нерехтѣ Константинъ Карлычъ. Благодѣянія его столько же многоразличны и столько же ознаменованы усердною приверженностью, какъ и перваго, то есть и временнѣ, и безвременнѣ настояль, умоляль, особенно въ мои несчастья и вездѣ дѣйствовалъ благопоспѣшно. Онъ именно стояль на стражѣ моего благоденствія. Когда въ первый разъ въ Савиково явился я исповѣдывать Марью Семеновну, тогда увидѣль также въ первый разъ и также исповѣдалъ его съ обязанностию головою отъ раны, полученной во Франціи 1814 года. 1837 года, въ проѣздѣ Государя Наслѣдника, за нѣсколько дней до прибытія его въ Нерехту, Константинъ Карлычъ въ Ярославлѣ расположилъ въ мою пользу особъ свиты его, особенно Василя Андреевича Жуковского и воспитателя Цесаревича, Александра Александровича Кавелина, въ малолѣтство обучавшагося съ нимъ въ одномъ заведеніи.

V.

Юрій Никитичъ Бартеневъ, директоръ гимназіи и училищъ Костромской губерніи. Когда 1826 года осенью мѣсто катихизатора при Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, послѣ священника Семена Кострова, оказалось празднымъ, то директоръ Юрій Никитичъ должность катихизатора обѣщалъ Нерехотскому протоіерею Іоанну Кандорскому. Но явившись съ Исторіею Западной церкви, я перемѣнилъ дѣло. Юрій Никитичъ тогда же велѣлъ пустить въ ходъ просьбу Діева, а Кандорскому отказалъ, за что Кандорскій, пылая мщеніемъ, учинилъ чрезъ жандармскаго въ Костромѣ чиновника Александра Павлова Арсеньева, посредствомъ Бенкендорфа, доносъ Государю Императору, что въ Нерехтѣ скрывается ересь въ дѣвицахъ незамужнихъ, признающихъ божествомъ солнце, начальникомъ же этой ереси есть директоръ училищъ Юрій Никитичъ Бартеневъ. Поводъ къ этому взять съ того, что Нерехчанки-дѣвицы носили черное одѣяніе, сходное съ рясками монахинь. По именному секретному повелѣнію 1828 г., о Пасхѣ во Вторникъ, Костромской губернаторъ Карлъ Баумгартенъ съ чиновникомъ порученій Семеномъ Евстафьевичемъ Жадовскимъ на саняхъ, по разстроенной дорогѣ, прибылъ въ Нерехту для слѣдствія. Въ Нерехтѣ изъ околныхъ селеній собрано было до 40 дѣвицъ въ черныхъ ряскахъ. Но сколь ни старались найти ересь, къ оной ни малѣйшаго повода не оказалось, кромѣ того, что по незамужности носили длинное черное одѣяніе. Нерехчане подъ присягою всѣ утвердительно показали, что дѣвицы нимало никогда ими не замѣчаются въ ереси, что при отличнѣйшемъ по-

веденіи онѣ ежегодно приобщаются по нѣскольку разъ и всякій день ходять молиться въ церкви. Въ домахъ дѣвицъ сдѣланъ былъ строжайшій обыскъ, не найдется ли бумагъ, по коимъ онѣ будто бы воспѣвали пѣсни солнцу, но ничего подобнаго сему не найдено. Послѣ чего по жалобѣ директора Юрія Никитича высочайше велѣно розыскать, отъ кого именно послѣдовалъ такой доносъ. Арсеньевъ показалъ, что объ ереси ему донесено Нерехотскимъ протоіереемъ Кандорскимъ. Но какъ доносъ учиненъ только со словъ его, то Кандорскій на очной ставкѣ, учиненной въ присутствіи губернатора и Костромскаго владыки, заперся и клялся, что онъ лицомъ никогда не видалъ Арсеньева, не только не доносилъ ему. За это Арсеньеву, вступившему въ доносъ со словъ, высочайше велѣно учинить строгій въ открытыхъ дверяхъ Правительствующаго Сената выговоръ, со внесеніемъ въ формуляръ. Въ Августѣ 1829 года Юрій Никитичъ лично явился къ Государю Императору, чтобы объяснить о донощикѣ, что Кандорскій донесъ изъ мщенія, что обойденъ въ катихизаторствѣ; что оное, не смотря на просьбу преосвященнѣйшаго Самуила, письмами ходатайствовавшего предъ нимъ директоромъ за Кандорскаго, предоставлено сельскому священнику, обратившему на себя предпочтеніе своими сочиненіями, который за ученые труды свои Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ сдѣланъ соребнователемъ; Бартеневъ представилъ и письмо архіерея о Кандорскомъ. Послѣ того чрезъ нѣсколько дней, при личномъ представленіи Государю Императору, Костромскій губернаторъ Ганскау жаловался, что многія дѣла по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ останавливаются изъ-за архіерея, предававшагося слабости. Зимой 1829—1830 секретно въ Костромѣ чиновникъ отъ Двора розыскалъ о домашней жизни владыки. Весною 1830 года послѣдовало высочайшее повелѣніе уволить преосвященнѣйшаго Самуила на покой въ Костромскій Бабаевскій монастырь, куда онъ Волгою въ Маѣ и отправился. Здѣсь преосвященнѣйшій продолжалъ такую же жизнь, какъ и въ Костромѣ, и менѣе нежели къ году именно отъ слабости впалъ въ болѣзнь, продолжавшуюся съ небольшимъ недѣлю, и скончался. Говорили, что пенсію владыкѣ исходатайствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ, коего Самуилъ въ малолѣтствѣ обучалъ Греческому языку и что по его слову владыка предъ своимъ отдаленіемъ изъ Костромы успѣлъ подать просьбу объ увольненіи. Въ одно время съ губернаторомъ Костромскій помѣщикъ Кологривовъ, уважаемый въ столицѣ, много дѣйствовалъ посредствомъ кукольной игры къ раскрытію домашней жизни Самуила. Преосвященнѣйшій Самуилъ много походилъ на Костромскаго епископа Геннадія, посланнаго съ епархіи на пребываніе въ Спасскій монастырь Новгорода-Сѣверскаго; только не было поступковъ съ Авдрониками,

но въ другомъ во многомъ между собою сходствовали, и удивительно, что вмѣстѣ съ Самуиломъ не коснулись и ихъ. Не только на дѣла, но даже на самыя опредѣленія къ должностямъ, вообще на награды имѣлъ сильное вліяніе протоіерей Даніилъ Груздевъ, раздѣлявшій бесѣду и трапезу со владыкою. Никогда не бывало по Костромской епархіи столько жалобъ въ Святѣйшій Синодъ, какъ въ святительство Самуила. Никкъ мнѣ не забыть, какъ Юрій Никитичъ, прибывъ изъ Петербурга, когда я въ Сентябрѣ 1829 года ему представлялся, сказалъ мнѣ: «по-секретничай, Самуила у васъ скоро не будетъ».

VI.

Графъ Николай Александровичъ Протасовъ и Андрей Дмитріевичъ Бороздинъ, нынѣ директоръ Московской Синодальной типографіи. Андрей Дмитріевичъ около 1838 года былъ вице-губернаторомъ въ Костромѣ. Когда осенью того года Нерехта сгорѣла, онъ управлялъ тогда Костромскою губернію. На 3-й день послѣ пожара явился утѣшить несчастныхъ жителей и былъ главнымъ дѣйствователемъ, что городъ получилъ ссуду на пожарныхъ въ сто тысячъ рублей на ассигн., и открыта въ пользу ихъ по Имперіи подписка, доставившая имъ около 70 тысячъ на ассигнаціи. Въ это посѣщеніе Нерехты Андрей Дмитріевичъ посѣтилъ мою бібліотеку и съ той поры оказывалъ мнѣ отличнѣйшее вниманіе. Въ мое несчастіе 1839 года онъ поддержалъ письмами добрый отзывъ о мнѣ, и его рекомендація была причиною благодѣтельныхъ распоряженій графа Николая Александровича Протасова, оберъ-прокурора при Святѣйшемъ Синодѣ. Николай Александровичъ секретнымъ предписаніемъ (помнится, въ началѣ 1840 года) на имя секретаря Костромской Консисторіи потребовалъ краткую записку о дѣлѣ, по коему мнѣ наложено епархіальнымъ начальствомъ запрещеніе священнослуженія. Ухановъ Ив. Вас. (такъ прозывался секретарь) вмѣсто требуемой секретно отъ его лица записки, по согласію съ владыкою Владимиромъ Алявдинымъ, вмѣсто краткихъ обстоятельствъ дѣла, записку наполнилъ посторонними, именно: подъ какимъ прежде находился я дѣломъ. Не смотря на это, Николай Александровичъ писалъ архипастырю разрѣшить мнѣ, вслѣдствіе чего 30 Января 1840 года и разрѣшено мнѣ священнослуженіе въ Нерехтѣ при Никольской церкви безъ всякаго полученія доходовъ. Но лишь прошло съ небольшимъ два мѣсяца, какъ архипастырь опять наложилъ на меня запрещеніе священнослуженія съ запрещеніемъ ряски за то именно, что слѣдство-производитель протоіерей Кандорскій, прибывъ для слѣдствія, не нашелъ меня въ домѣ (въ эту пору по дѣламъ

я былъ въ Костромѣ на лицѣ у владыки). Запрещеніе наложилъ во Вторникъ на Страстной, приказавъ келейно въ тотъ же день послать указъ, который, какъ красное яичко, и выкатилось на свѣтлый день. Но добрый мой благочинный, протоіерей Іоаннъ Максимовичъ Униковскій, не только не объявилъ мнѣ указъ, даже не сказалъ о немъ, чтобы не помутить радости всесвѣтлаго праздника, за чтѣ безвинно раздѣлилъ со мною мою участь. Когда, принявъ запрещеніе, въ оправданіе я представилъ письменное увольненіе меня въ Кострому, данное благочиннымъ за сутки передъ прїѣздомъ Кандорскаго на слѣдствіе, то преосвященный Владимиръ Униковскаго за дѣлу увольненія отрѣшилъ въ Маѣ того 1840 года отъ благочинія. Мало того: лѣтомъ того года, когда при Нерехотской Преображенской церкви открылось священническое мѣсто, то Униковскаго отрѣшилъ отъ Богоявленской церкви, гдѣ онъ служилъ съ 1826 года, съ переводомъ въ Нерехотскій соборъ съ тѣмъ, чтобы служить при той Преображенской изъ половины доходовъ, съ предоставленіемъ другой мѣ. Ибо владыка на случай моего оправданія, безъ моей просьбы, Сыпановское мѣсто въ Іюнѣ отобралъ отъ меня, опредѣливъ туда другаго священника, а вмѣсто того предоставилъ мнѣ то Преображенское мѣсто, гдѣ постоянныхъ прихожанъ числится только три двора. 7 Маія 1840 г. письменною просьбою съ приложеніемъ статьи «Изъясненіе правды», я просилъ оберъ-прокурора о защитѣ, вслѣдствіе чего 18 Сентября, именно въ тотъ день, въ который за годъ въ 1839 году Владимиръ наложилъ на меня запрещеніе священнослуженія, послѣдовалъ указъ Святѣйшаго Синода слѣдующаго содержанія: «Священникъ Діевъ просить во первыхъ о разрѣшеніи ему священно-служенія съ позволеніемъ служить при Сыпановской церкви, во вторыхъ объ удовлетвореніи его доходами удерживаемыми у него по случаю запрещенія его въ служеніи, въ третьихъ объ устраненіи протоіерея Кандорскаго отъ производства слѣдствія по доносу діакона Ремизова, въ четвертыхъ чтобы къ совокупному съ симъ доносомъ изслѣдованію принято было черновое прошеніе, писанное рукою Ремизова на мѣсто Діева священникомъ, какъ доказательство происковъ и, наконецъ, въ пятыхъ объ увольненіи его на два мѣсяца въ С.-Петербургъ для пользованія отъ болѣзни. По соображеніи таковыхъ просьбъ священника Діева съ предоставленными свѣдѣніями изъ дѣлъ о священникѣ Діевѣ Святѣйшій Синодъ находитъ, что доносъ, по поводу коего Діевъ состоитъ подъ запрещеніемъ, заключаетъ въ себѣ разные предметы, и потому на основаніи Свода Законовъ тома 10, ст. 1672, не слѣдовало бы и принимать оный въ дѣйствіе; между тѣмъ начальнымъ изслѣдованіемъ по тому доносу никакимъ обвиненіемъ на священника Діева не выведено, а дѣла, прежде касавшіяся до него, не заключаютъ въ себѣ особой важ-

ности, какъ то видно изъ существа и самыхъ взысканій по тѣмъ дѣламъ положенныхъ. Что же касается до производящихся нынѣ трехъ объ немъ дѣлъ, то оныя не получили окончанія, слѣдовательно на нихъ нельзя основать никакихъ обвиненій. Вообще по справкѣ о Діевѣ нельзя рѣшительно заключить о томъ, чтобы онъ былъ человѣкъ дурныхъ свойствъ, а напротивъ представленный имъ при прошеніи опытъ собственнаго сочиненія обнаруживаетъ въ немъ похвальную склонность къ ученымъ трудамъ. По сему Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ представить преосвященному Костромскому: 1-е. Обратитъ начальственное вниманіе на положеніе Діева, еще прежде суда надъ нимъ столь уже стѣсненное устраненіемъ его отъ служенія, удаленіемъ отъ приходской церкви и лишеніемъ слѣдующихъ ему доходовъ, а затѣмъ, разрѣшивъ ему священнослуженіе, допустить къ отправленію своей должности при церкви, что въ Сыпановой слободѣ. 2-е, Какъ Діевъ отводитъ Кандорскаго отъ участія въ производимомъ о немъ изслѣдованіи по приказной съ нимъ ссорѣ и подозрѣнію въ пристрастіи и неправильности его дѣйствій, то назначить къ слѣдствію вмѣсто Кандорскаго другаго благочиннаго священника. 3-е, Привести дѣло сіе къ окончанію немедленно и рѣшеніе представить Святѣйшему Синоду. 4-е, О черновомъ прошеніи, писанномъ Ремизовымъ отъ имени прихожанъ и представленнымъ Діевымъ, какъ доказательство его происковъ, произвести изслѣдованіе, независимо отъ настоящаго дѣла».

Въ продолженіи этого времени священникъ, опредѣленный на мое мѣсто, приступилъ къ постройкѣ дома на Сыпановѣ, помѣстивъ его на дорогѣ, ведущей къ моему дому, такъ что мнѣ не оставалось выхода oprичъ болота, разстилающагося подъ моими окнами. Когда, получивъ изъ Петербурга извѣщеніе о Синодальномъ указѣ, я удерживалъ Якова Никольскаго (такъ прозывался мой претендентъ), то онъ просилъ двоюроднаго своего брата, инспектора Семинаріи, его съ малолѣтства воспитавшаго, чтобы объ этомъ доложилъ владыкѣ. Преосвященный сказалъ: «да, есть объ этомъ указъ изъ Синода; но я не допущу Діева до Сыпанова, а Никольскій строился бы; въ противномъ случаѣ я заплачу ему за ущербъ». Въ самомъ дѣлѣ владыка по полученіи указа, представилъ въ Синодъ возраженіе, гдѣ, написавъ на меня ни денную, ни небесную, выписалъ изъ Кормчей правила, что мнѣ разрѣшать священнослуженія не слѣдовало. Сколько такое представленіе ни было секретно, но, узнавъ объ этомъ, я подалъ прошенія въ одно время 1) Государю Наслѣднику съ представленіемъ краткой записки моихъ сочиненій, печатной статьи «Изясненіе Правды Русской» и трехъ главъ изъ сочиненія: «Матеріалы къ іерархической исторіи», 2) оберъ-прокурору графу Николаю Александро-

вичу и 3) въ Св. Синодѣ. Неизвѣстно, какія бы были послѣдствія, если бы возраженія владыки столкнулись бы съ сими просьбами, поданными на почтѣ 9 Октября. Но вышло сверхъ ожиданія. Святѣйшій Синодъ, получивъ возраженіе владыки, на третій же день строжайше предписалъ о немедленномъ исполненіи указа отъ 18 Сентября. Вслѣдствіе чего я въ первыхъ числахъ Октября и былъ введенъ въ прежнюю должность на Сыпановѣ. Не могъ я узнать содержанія этого втораго указа синодальнаго, потому что владыка его въ Консисторію не сдалъ, а только на особомъ листѣ предписалъ о своихъ по этому указу распоряженіяхъ. Между тѣмъ прошеніе Государю Наслѣднику приняло желаемый ходъ. Цесаревичъ съ прошеніями обратился къ самому Государю Императору, коему угодно было вызвать лично къ себѣ синодальнаго оберъ-прокурора, доложившаго, что Діевъ введенъ уже въ первобытное состояніе. Почему чрезъ Костромскаго губернатора статсъ-секретарь князь Александръ Голцынъ письменное прислалъ мнѣ извѣщеніе, что мое прошеніе, поданное Государю Императору съ сочиненіями, препровождено въ Святѣйшій Синодъ. Въ продолженіи сего времени, прежде нежели владыка представилъ въ Св. Синодъ свое возраженіе, графъ Николай Александровичъ представилъ Св. Синоду, что консисторскій секретарь Ухановъ на требуемую имъ краткую о Діевѣ выписку, оную наполнилъ ненужными подробностями къ очерненію Діева; вслѣдствіе чего Ухановъ отъ Костромской Консисторіи опредѣленіемъ Св. Синода отъ 3 Октября отдаленъ съ переводомъ въ секретаря Рязанской Консисторіи; въ Костромскую тогда же назначенъ Алфимовъ. Когда объ этомъ полученъ указъ, то владыка при отрѣшеніи Уханова сдѣлался боленъ; докторъ сказалъ: «вы больны душою, а не тѣломъ». Натурально владыкѣ представилось: «что-то будетъ съ моимъ возраженіемъ». Когда же въ послѣднихъ числахъ Октября послѣдовалъ изъ Св. Синода второй указъ, то преосвященный любимцу своему келейнику сказалъ: «Слава Богу, я не того ожидалъ!» Здѣсь неумѣстно распространяться о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ владыки, который только опредѣлилъ меня на Сыпаново, но удержанныхъ доходовъ не возвратилъ ни копѣйки; когда же, по случаю бракосочетанія Наслѣдника, послѣдовалъ всемилостивѣйшій манифестъ, то дѣла, касавшіяся до обвиненія Ремизова, подвелъ подъ оный, а до меня касавшіяся пустилъ въ ходъ; даже послѣ сего не по одинъ разъ налагалъ на меня запрещенія священнодѣйствовать. Напримѣръ донощикъ мой Ремизовъ въ раздѣлѣ дохода при свидѣтеляхъ отнялъ деньги и, вырвавъ доходную записку, представилъ владыкѣ, что со времени моего опредѣленія онъ не получилъ ни копѣйки. Но запрещенія я не принималъ, потому что ранѣе Ремизова, въ день похищенія, объ этомъ чрезъ почту донесъ архіерею.

VII—VIII.

Графы Сергій Семеновичъ Уваровъ, министр народнаго просвѣщенія и *Сергій Григорьевичъ Строгановъ*, попечитель Московскаго учебнаго округа. Въ началѣ 1839 года министру Сергѣю Семеновичу мною была представлена статья: «Изъясненіе словъ Правды Русской». Это сочиненіе въ Іюнь того года и было напечатано въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, съ выдачею мнѣ преміи 150 рублей. Этимъ изданіемъ я получилъ извѣстность, доставившую мнѣ покровительство въ несчастный тотъ 1839 годъ. Когда, по наложеніи мнѣ запрещенія священнослуженія, по замѣчанію смотрителя Яблокова не могъ я явиться къ законоучительской должности безъ ряски, то съ его донесенія исправляющій тогда должность директора училищъ Порфирій Ивановичъ Величковскій объ этомъ донесъ попечителю Московскаго учебнаго округа графу Сергѣю Григорьевичу Строганову. На спросъ его о ходѣ моего дѣла преосвященный Владимиръ дѣлъ знать, что я подлежу вѣдѣнію изверженія, не смотря на то, что главное обо мнѣ слѣдствіе чрезъ члена Консисторіи протоіер. Тяпкова было кончено и по оному не оказалось не только моихъ преступленій, даже тѣхъ подозрѣній къ онымъ. Этотъ отзывъ владыки сколь ни поставилъ меня въ затруднительное положеніе, но попечитель отнесся обо мнѣ къ министру народнаго просвѣщенія съ испрашиваніемъ разрѣшенія на исправленіе законоучительской моей должности другому, доколѣ буду я находиться подъ судомъ. Эта неопредѣлительность времени, милостиво изложенная попечителемъ и милостиво утвержденная министромъ, была причиною, что въ 14 мѣсяцевъ, въ кои былъ я отдаленъ отъ законоучительства, училищное правительство никого не представило къ опредѣленію на мое мѣсто, что самою почитаю особенною милостію Божіею, по молитвамъ преп. Пахомія угодника Сыпановскаго, предъ кончиною изреклаго: «терпите находящія на васъ бѣды, да на семъ мѣстѣ обрящете благодать отъ Бога!». Въ эти 14 мѣсяцевъ должность мою исправлялъ законоучитель Нерехотскаго приходскаго училища діаконъ Іоаннъ Костеневскій съ полученіемъ моего жалованья. Скажу здѣсь, что по законамъ дозволено мнѣ пользоваться исправленіемъ за меня должности только 4, а не 14 мѣсяцевъ. Какъ скоро министр извѣстился, что мнѣ послѣдовало разрѣшеніе отъ Святѣйшаго Синода, гр. Сергѣй Семеновичъ тогда же отнесся къ Синоду съ испрашиваніемъ, можно ли допустить меня къ училищной должности. Сергѣй Семеновичъ, будучи 1832 года товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, осенью сего года, посѣщая Москву, словесно приказалъ чрезъ Ивана Михайловича Снегирева за

мои труды изъяснить мнѣ признательность, какъ объ этомъ извѣстилъ меня Иванъ Михайловичъ письмомъ отъ 24 Сентября.

IX.

Евгеній митрополитъ Кіевскій, Несторъ Отечественной Исторіи, въ санѣ архіерейскомъ бывшій долгое время соревнователемъ, потомъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ какимъ радушіемъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ для меня, съ такимъ и я для митрополита Евгенія: столь же частая переписка, такая же усердная забота поддерживать труды, самую славу высокопочтеннаго іерарха. Едва ли у Евгенія былъ такой дѣятельный агентъ. 1832 года, въ бытность мою въ Москвѣ, Иванъ Михайловичъ, увидѣвши у меня описаніе Костромскихъ монастырей, оное взялъ у меня и переслалъ къ митрополиту Евгенію. Вслѣдъ за симъ при письмѣ отъ 24 Сентября того 1832 года его высокопреосвященству представлены мною описанія монастырей Луховскаго и Нерехотскаго Срѣтенскаго. Въ письмѣ отъ 12 Ноября Иванъ Михайловичъ, извѣщая о избраніи меня въ дѣйствительные члены, пишетъ: «Митрополитъ Евгеній весьма благодаритъ васъ за доставленныя ему записки и хочетъ къ вамъ писать по слѣдующей почтѣ; онъ умѣетъ цѣнить достойныхъ и благонамѣренныхъ людей». Въ Декабрѣ того года я удостоился получить письмо: «Честивѣйшій во іереяхъ, отецъ Михаилъ Яковлевичъ! Записки ваши о Костромскихъ монастыряхъ при письмѣ отъ 24 Сентября я получилъ и благодарю за оныя. Разсмотрѣвъ ихъ, я замѣтилъ, что вы имѣете усердное вниманіе на древности Россійской церкви, могущія объяснить многія обстоятельства нашей церковной и іерархической исторіи. Если бы во всѣхъ епархіяхъ были подобные вамъ изслѣдователи, то второе изданіе Исторіи Россійской Іерархіи было бы полнѣе и исправнѣе. Вы много мнѣ удовольствія слѣдуете, если продолжите сообщать мнѣ ваши открытія. А я, призывая на ваши труды благословеніе Божіе, есмь съ истиннымъ почтеніемъ вашего благословенія усерднѣйшій слуга Евгеній митр. Кіевскій. Кіевъ 30 Ноября 1832 года». 22 Декабря Иванъ Михайловичъ вторично извѣстилъ меня: «Кіевскій митрополитъ Евгеній весьма благодаренъ вамъ за ваши замѣчанія и отправилъ къ вамъ свое письмо, какъ меня увѣдомилъ». Послѣ того я не имѣлъ личныхъ сношеній съ его высокопреосвященствомъ, хотя усердіе мое сильно влекло меня поддержать вызовъ высокопочтеннѣйшаго іерарха. Претерпѣвъ безвинное отдаленіе отъ Тетеринскаго, я боялся растрогать домашнихъ гусей, чтобы они болѣе не заговорили. Ибо признанный почетнымъ членомъ Общества Исторіи 5 Ноября того года, именно по моему ходатайству

не только не руководствовался касательно меня чувствомъ признательности, по крайней мѣрѣ благорасположенія, но время отъ времени его начальственные ко мнѣ отношенія принимали противное направленіе. Скажу въ заключеніе: блаженная тѣнь, сіяющая теперь въ свѣтѣ вѣчнаго царства Спасителя, да не оскорбится чрезъ 19 лѣтъ послѣ того предпринятыми мною противодѣйствіями на 2 изданіе Исторіи Іерархіи митрополитомъ Евгеніемъ. Въ семь трудѣ я не имѣлъ иной мысли кромѣ постоянной любви къ наукѣ; высокое почтеніе къ безсмертнымъ трудамъ іерарха всегда пребудетъ постояннымъ во мнѣ чувствомъ. Во второмъ изданіи митрополитъ въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ исправилъ ошибки перваго, но въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ онъ искренно вѣрилъ первому издателю, по слову Священнаго Писанія: «любы всему вѣру емлетъ». Поэтому неудивительно, что и во 2-мъ изданіи допущены многія ошибки, мною отмѣчаемыя при повѣркѣ іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями. Поздніе изслѣдователи и во мнѣ найдутъ такіе же ошибки и опущенія: это неминуемая участь всякаго человѣка! Владыко Павелъ Подлипскій того 1832 года самъ возшелъ въ переписку съ митрополитомъ Евгеніемъ; слѣдовательно подлежало идти на перекоръ.

X.

Владимиръ Александровичъ Борисовъ, купецъ Шуйскій. Въ 1832 г. онъ жилъ на своей родинѣ въ селѣ Дуниловѣ, не доѣзжая по Нерехотской дорогѣ до Шуи 15 верстъ. Знакомство мое съ нимъ было для меня благотѣльно, потому что онъ по достаточному своему состоянію подарилъ мнѣ много книгъ и доставилъ много грамотъ и рукописей. Самъ онъ сочинилъ и напечаталъ Описаніе города Шуи, за что и получилъ Демидовскую премію; при семъ сочиненіи приложилъ немало интереснѣйшихъ актовъ XVII столѣтія, доселѣ не бывшихъ извѣстными.

XI.

Князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, министръ народнаго просвѣщенія. Еще 1849 года Января 24 дня по званію президента Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, его сіятельство изъяснилъ мнѣ искреннѣйшую признательность за собраніе словъ Египетскаго языка, употребляемаго въ Нерехтѣ, какъ эта благодарность объявлена мнѣ чрезъ официальную бумагу отъ директора училищъ Костромской губерніи. Осенью 1851 года князь Платонъ Александровичъ при обзорѣ Нерехотскихъ училищъ, въ проѣздѣ

свой въ Казань оказалъ мнѣ особенное начальственное свое ко мнѣ вниманіе. Вслѣдствіе чего по истеченіи 25 лѣтней моей службы по Нерехотскому училищу, директоръ училищъ Порфирій Ивановичъ Величковскій отъ 22 Апрѣля 1852 года въ предписаніи на имя штатнаго смотрителя Нерехотскихъ училищъ писалъ: «Признавъ, что законоучитель Діевъ, какъ знающій свое дѣло и достойный преподаватель, можетъ еще съ пользою продолжить служеніе въ настоящей должности, вслѣдствіе чего, считая справедливымъ ходатайствовать объ оставленіи его вновь на службѣ съ предоставленіемъ, во время продолженія оной, права на полученіе, сверхъ жалованья, пенсіи за выслугу 25 лѣтъ, предлагаю, объявивъ объ этомъ отъ имени моего законоучителя Діеву, потребовать отъ него и доставить ко мнѣ отзывъ, можетъ ли онъ, на вышеизложенныхъ основаніяхъ, посвятить себя продолженію трудовъ по преподаванію Закона Божія въ Нерехотскомъ уѣздномъ училищѣ, не прекращая съ тѣмъ вмѣстѣ и занятій своихъ по женскому училищу. Когда я, на изясненіе предположенія, то-есть съ пенсією и жалованьемъ, изъявилъ желаніе продолжать вторичную службу, то объ оной началась переписка сначала по епархіальному вѣдомству, потомъ по высшему училищному. Между тѣмъ какъ оставался я въ полномъ увѣреніи объ успѣхѣхъ, осенью того 1852 года послѣдовалъ высочайшій уставъ о пенсіяхъ по всѣмъ министерствамъ, чтобы кто находится на вторичной службѣ, тѣмъ пенсіи не выдавать. Поэтому я оставался во мнѣніи, что или не утвердятъ во вторичной службѣ или откажутъ въ пенсіи, какъ, сверхъ ожиданія, послѣдовало штатному смотрителю предписаніе отъ 23 Декабря 1852 года за № 1496: «Господинъ министръ народнаго просвѣщенія отъ 9 Декабря за № 11892 увѣдомилъ его превосходительство господина попечителя Московскаго Учебнаго Округа, что онъ, на основаніи Св. Законовъ (изд. 1842 г.) т. 3. Устава о пенсіяхъ и единовр. пособ. ст. 487, 502 и 504, соглашаясь на оставленіи законоучителя подвѣдомаго вамъ уѣзднаго училища, священника Діева, выслужившаго 25 лѣтъ по учебной части, на службѣ еще пять лѣтъ, считая ее съ 8 Мая сего года, какъ со дня выслуги имъ 25 лѣтняго срока, назначивъ ему въ пенсію полный окладъ получаемаго имъ по должности жалованья по 142 рубля 95 копѣекъ серебромъ въ годъ, отнесся къ г. управляющему министерствомъ финансовъ о производствѣ Діеву сей пенсіи сверхъ жалованья съ 8 Мая сего года изъ Нерехотскаго уѣзднаго казначейства. Объ этомъ, вслѣдствіе предложенія г. попечителя Московскаго учебнаго округа отъ 17 Декабря за № 4330, увѣдомляю васъ, милостивый государь, къ должному исполненію». Слава Господу, по премудрому и всеблагому Своему промыслу устроившему все сіе во благое! Восхваляю Господа въ животъ моемъ, пою Богу моему

дондеже есмь! Враги мои, по дѣйству претендента моего, сильнаго и не-
истощимаго на хитрости, протоіерея Кандорскаго, еще въ началѣ мо-
его перваго служенія въ законоучительской должности, старались отъ
оной оттереть меня. Мѣстный мой начальникъ, штатный смотритель
Павель Ивановичъ Яблоковъ, сколько усердно дѣйствовалъ при опре-
дѣленіи моемъ въ училище, столько вскорѣ послѣ сего своимъ отноше-
ніемъ ко мнѣ далъ противное направленіе. Въ 1829 году при училищѣ
кромѣ меня служили: смотритель Яблоковъ, oprичъ настоящей долж-
ности исправлявшій должность учителя 2 класса, учитель 1 класса
Гирсамовъ и учитель живописи Кишкинъ. Только Гирсамовъ занемогъ
предсмертною болѣзнію, отчего и умеръ, Кишкинъ, по наученію ли
смотрителя, или въ самомъ дѣлѣ, казался больнымъ. Остались на лицо
Яблоковъ и я; слѣдовательно учителей ни одного. Этого и желалъ
Яблоковъ; на ту пору директора, благодѣтеля моего, не было, а нахо-
дился въ отлучкѣ. Яблоковъ, нимало не предлагая мнѣ объ исправ-
леніи должности учителя 1-го класса, взошелъ къ исправляющему дирек-
торскую должность съ донесеніемъ, что Діевъ, за дальнимъ жительствомъ
(тогда я жилъ еще въ Тетеринскомъ), отъ исправленія отказался. Онъ
льстился мыслию, что за это меня отрѣшаты, пропустилъ молву, что
новый будетъ катихизаторъ. Но исправляющій за директора должность,
Михайло Дмитріевичъ Бѣликовъ, хорошо ко мнѣ расположенный, предпи-
салъ 25 Мая, чтобы я исправлялъ за Гирсамова по крайней мѣрѣ въ
тѣ дни, когда собственно бываю по своей обязанности въ училищѣ.
Даже Михайло Дмитріевичъ, когда Гирсамовъ 31 Августа скончался,
лично приказалъ Яблокову, чтобы представилъ обо мнѣ, не благоугодно
ли будетъ исходатайствовать за исправленіе учительское жалованье,
какое директоръ, около сего времени прибывшій въ Кострому, мнѣ
и исходатайствовалъ, которое я и получалъ съ 1 Октября по 30 Іюля
1830 года, то-есть до времени опредѣленія учителя Семена Иван. Сквор-
цева. И послѣ того мой претендентъ не оставилъ меня въ покоѣ, осо-
бенно съ того времени, какъ уѣздымъ законоучителямъ съ Августа
1833 года по новому штату вмѣсто 80 рублей жалованья положено
получать 500 рублей ассигнаціями; съ этой поры велѣно объ законо-
учителяхъ представлять вмѣстѣ съ училищными чиновниками форму-
ляры, чего до того не бывало. Враги мои успѣли по епархіальному
вѣдомству запутать въ дѣла, особенно по сильному вліянію консисто-
риста протоіерея Якова Арсеньева, сродника и благодѣтеля товарищу
моему Вознесенскому, также іерею села Тетеринскаго, сивившагося
изъ грязи сдѣлать княземъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, сначала доставивъ
ему старшинство по церкви, потомъ присутствованіе въ Нерехотскомъ
Правленіи. Кандорскій въ Консисторіи сильный пролазничествомъ

составилъ съ годовыхъ обвиненій донощиковъ такой формуляръ, гдѣ мои дѣла помѣщались листахъ на семи. Это подало случай ближайшему моему начальнику при составленіи каждаго года формуляровъ по училищу злобно насмѣхаться: «вотъ ужъ послуги!» Кстати сказать о слабости Яблокова, что онъ открывалъ къ возвышенію путь только себѣ, а для сослуживцевъ зарости дорога березнякомъ. Вскорѣ по введеніи новыхъ штатовъ вмѣсто Бартенева опредѣленъ директоромъ Обуторовъ, вполне соответствующій прозванію. Когда въ Костромѣ для обозрѣнія гимназій былъ попечитель Московскаго округа князь Сергій Михайловичъ Голицынъ, то Кандорскій лично явился ему съ просьбою объ опредѣленіи его въ законоучители, представляя, что за Діевымъ по Консисторіи много дѣлъ, причемъ представилъ и записку объ оныхъ. Но его сіятельство ея не приняло, сказавъ: «Діевъ извѣстенъ, какъ отличнѣйшій законоучитель, особенно учеными трудами; такихъ людей не удивительно чернить». Послѣ того въ 1839 году сообща враги мои составили такой ковъ, по коему я 14 мѣсяцевъ былъ отдаленъ отъ училища. Между тѣмъ претендентъ мой самъ запутался въ дѣла, по коимъ былъ отрѣшенъ отъ должностей присутствующаго въ Правленіи и благочиннической. Явились новые искатели законоучительства; но всѣ ихъ пролазы съ согласія Яблокова, главнаго участника въ ковъ, остались безуспѣшными по сильному покровительству министра народнаго просвѣщенія, графа Сергія Семеновича Уварова и попечителя Московскаго учебнаго округа графа Сергія Григорьевича Строганова.

До какой степени семейство Яблокова было ко мнѣ не расположительно, помѣстимъ здѣсь анекдотъ. Въ 1839 и 1840 годахъ былъ учителемъ въ Нерехтѣ Козыревъ, человѣкъ веселаго характера. Чтобы разгорячить жену смотрителя, онъ каждаго недѣлю ей сказывалъ: «слышали ли новость? Діеву разрѣшено священнослуженіе, и онъ скоро будетъ ходить въ училище». Наша смотрительница выходила каждый разъ изъ себя: плевала, ругалась, такъ что Козыревъ часто говаривалъ: «сегодня пойду сердить Яблокову». Но слава всеблагодару Промыслу! Около сего времени послѣдовало повелѣніе законоучителямъ самимъ представлять о себѣ послужные списки, только за подписомъ благочиннаго. А какъ послѣ 14 мѣсячнаго моего отсутствія я вступилъ въ училище, то въ своемъ формулярѣ никакихъ дѣлъ о себѣ не прописывалъ, а показывалъ, что всѣ сужденія по Консисторіи Святѣйшимъ Синодомъ по истребованіи записки о моихъ дѣлахъ синодальнымъ указомъ отъ 18 Сентября 1840 г. признаны маловажными, что самое законоучительской моей службѣ дало счастливое направленіе и было причиною награжденія сначала набадренникомъ, потомъ скуфьею и пред-

ставленіемъ къ камилавкѣ. Опять повторю: «Слава всеблатому Промыслу!»

XII.

Александръ Сергѣевичъ Ширяевъ, комиссіонеръ Московскаго Университета и благотворитель Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. По рекомендаціи Ивана Михайловича Свєгирева доставлялъ мнѣ добросовѣстно многія по выпискѣ моей для моихъ занятій книги, нѣкоторыя изъ нихъ рѣдкія, часто въ долгъ.

XIII.

Князь Александръ Дмитріевичъ Козловскій, помѣщикъ Нерехотскаго уѣзда, имѣющій помѣстье въ селѣ Борщевкѣ, членъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ несчастіе мое, когда въ одномъ подряскѣ весною 1840 года я представился въ Ипатскомъ монастырѣ владыкѣ въ первый разъ, я имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. Въ 1842 году онъ чрезъ почту при письмѣ подарилъ мнѣ свое сочиненіе: «Взглядъ на исторію Костромы», напечатанное въ Москвѣ 1840 года; вскорѣ послѣ сего на эту его учтивость я отвѣтилъ письмомъ моимъ и замѣтно возшелъ бы еще ближе въ переписку, какъ смерть похитила его вскорѣ послѣ сего неожиданно, къ потерѣ для мѣстной исторіи.

XIV.

Параскева Петровна Зимина, родная сестра покойнаго родителя моего Якова Петровича, супруга Ивана Константиновича Зимина. Въ первые годы этого супружества Нерехчане искали его отдать въ солдаты. Обыкновенное тогда было дѣло скрыться отъ поиска. Мать Параскевы Петровны, моя родная бабушка, скрыла его въ печи за дрова и такимъ образомъ затопила печь. Никому ни возшло на умъ въ печи учинить обыскъ. Думалъ ли тогда кто, что Иванъ Константиновичъ будетъ почетнымъ гражданиномъ Нерехты и шесть трехлѣтій управлять городомъ въ званіи городского головы! Съ Параскевою Петровною Иванъ Константиновичъ нажилъ богатое имѣніе и у мѣсту въ Нерехтѣ построилъ каменный домъ. Его мать—моя крестная, и ей обязанъ я всегдашней благодарностію, что она, высмотрѣвъ заранѣе Евдокію Алексѣевну, по полученіи мною билета жениться, указала мнѣ невѣсту, о бытіи коей я только за полгода услышалъ, хотя я жилъ съ этой невѣстой въ одномъ городѣ. Параскева Петровна скончалась лѣтъ около 80 отъ роду, помнится лѣтомъ 1823 года; въ высшей степени была къ бѣднымъ милостива, къ храмамъ Божиимъ усердна и

благочестива. Не было дня, когда бы она не посѣтила церковь, всѣ церкви города снабжала отъ своихъ трудовъ вкладами, особенно плащаницами, иконами шитыми фольгою, золотыми украшеніями, въ чемъ была мастерица. Однажды, когда она шла въ церковь, нищая просить у нея покрыть чѣмъ-либо наготу свою; она скинула съ себя верхнее одѣяніе, такимъ образомъ возвратилась домой, чтобы на себя надѣть другое. На дворѣ у себя построила богадѣльню и своими руками омывала струпы немощныхъ. И въ церковь и изъ церкви всегда была окружена нищими. Скажу въ заключеніе: я горжуся, что и отца крестнаго, и мать крестную имѣлъ самыхъ добродѣтельныхъ людей въ Нерехотскомъ околоткѣ. Дѣти ея: Матвѣй, скончавшійся около 1800 года, женатъ былъ на Аннѣ Васильевой Серебряниковой; Наталія, скончавшаяся дѣвицею, и три замужнихъ дочери: Анна доселѣ жива, была за Макаромъ Ивановымъ Козинымъ-Трескинымъ, Марія за Дмитріемъ Ивановымъ Князевымъ, скончалась около 1826 года, и Настасья за Александромъ Яковлевымъ Хряпинымъ.

XV.

Павель Петровичъ Свиньинъ, издатель Отечественныхъ Записокъ, за 11 лѣтъ періодическаго изданія, сочинитель многихъ книгъ и Исторіи Петра Великаго. Приглашенный 4 Марта 1837 года въ Костромѣ къ обѣду Государя Наслѣдника, Павель Петровичъ передалъ разговоръ Его Высочества съ владыкою Владимиромъ обо мнѣ *). Въ 1838 году я получилъ отъ Павла Петровича приглашеніе чрезъ письмо его отъ 7 Августа участвовать во второмъ изданіи Отечественныхъ Записокъ, на кое имъ тѣмъ 1838 годомъ испрошено уже высочайшее разрѣшеніе. Между прочимъ тогда писалъ онъ: «Желаю знать, можете ли вы сообщить для моего изданія замѣчанія ваши касательно пропусковъ, невѣрности и противорѣчій и т. д. Энциклопедическаго Лексикона, относительно Русской Исторіи, Статистики, Географіи и Древностей. Постигая всю важность вліянія, которое должно имѣть сіе народное изданіе на умы читателей и въ особенности юнаго поколѣнія, я вмѣнилъ себѣ въ непремѣнную обязанность заняться разобраніемъ и исправленіемъ Энциклопедическаго Лексикона, такъ что при каждой книжкѣ Отечественныхъ Записокъ будетъ приложено нѣсколько особенныхъ листовъ, которые

*) Еще не будучи знакомъ мнѣ, Павель Петровичъ въ 1832 году, чрезъ ректора Костромской семинаріи, архимандрита Афанасіи, прислалъ мнѣ двѣ Ольвіопольскія монеты, изъ коихъ одна золотая съ орломъ и 5 Ливонскихъ, найденныхъ, по отзыву Свиньина, въ Галицкой рѣкѣ Чолемъ.

при концѣ года должны составить книгу подъ названіемъ «Прибавленіе къ Энциклопедическому Лексикону». Услышавъ, что по любви вашей къ отечеству вы обратили вниманіе на предметъ сей и собрали много біографій соотечественниковъ, пропущенныхъ или искаженныхъ въ Лексиконѣ, я покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, уступить трудъ сей для моего изданія, увѣренъ будучи, что онъ вмѣстѣ съ моими попытками составитъ чрезвычайно любопытную и назидательную статью». При семъ въ этомъ письмѣ Павелъ Петровичъ обѣщалъ доставить мнѣ предпринятое имъ великолѣпное изданіе книги: «Картины Россіи». На ту пору у меня было составлено болѣе половины продолженія писателей духовнаго чина и генеалогическаго словаря древнихъ чиновниковъ Россіи на буквы А, Б, В, Г, а также словаря святыхъ Россійской Имперіи, подъ заглавіемъ «Святая Русь» и описанія мѣстъ Костромской губерніи, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ и актахъ. Почему я осенью того года и представилъ Павлу Петровичу на букву А двадцать двѣ статьи изъ поименованныхъ моихъ сочиненій. Вскорѣ послѣ сего доставлена мною Шуйская уставная грамота, какъ въ письмѣ увѣрялъ меня Павелъ Петровичъ и успѣла войти въ составъ 1 тома Отечественныхъ Записокъ. Вслѣдъ за симъ еще выслано мною 5 статей, также на букву А. Вскорѣ послѣ сего Павелъ Петровичъ изданіе Отечественныхъ Записокъ предоставилъ А. А. Краевскому и обѣщалъ мнѣ выслать за участіе въ изданіи сначала 50, потомъ 120 р. Но все это не исполнилось: 9 Апрѣля 1839 года Павелъ Петровичъ скончался скоропостижно въ С.-Петербургѣ. Поэтому, ни денегъ, ни картинъ Россіи я не получилъ; но во мнѣ всегда останется признательнымъ чувство воспоминанія пріязни ко мнѣ Павла Петровича. Передъ его кончиною Иванъ Михайловичъ Снегиревъ въ письмѣ отъ 14 Февраля 1839 года писалъ мнѣ: «Гг. Краевскій и Полевой вамъ кланяются. Мнѣ пріятно читать хорошіе отзывы о вашихъ трудахъ». Еще 1837 года, Сентября 3, Иванъ Михайловичъ писалъ мнѣ: «Теперь поскрепають старые журналы, между прочимъ Отечественныя Записки, которыхъ издатель, продавшій право свое Краевскому, видѣлся со мною въ Москвѣ проездомъ въ Петербургъ въ концѣ Августа. Я совѣтовалъ ему прибѣгнуть къ вамъ еще прежде, и теперь, отъ новаго издателя, бывшаго моимъ ученикомъ, можно ожидать хорошаго и дѣльнаго» и т. д.

XVI.

Николай Алексѣевичъ Полевой, родомъ Курскій купецъ, членъ многихъ ученыхъ обществъ, извѣстный авторъ. Бывши въ Москвѣ 1832 г., я не имѣлъ удовольствія лично съ нимъ познакомиться: съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ не застали его въ квартирѣ, за часъ не-

извѣстно куда отъѣхалъ, а потому видѣли только его роднаго брата, Ксенофонта Алексѣевича. Но Николай Алексѣевичъ оказывалъ ко мнѣ пріязнь и уваженіе. Послѣ моей поѣздки въ Москву Иванъ Михайловичъ передалъ ему описаніе Нерехотскихъ обычаевъ, за что Николай Алексѣевичъ обѣщалъ выслать мнѣ деньги. Но вѣрно вмѣсто оныхъ имъ пересланы мнѣ: а) Исторія Русскаго народа, 6 частей, имъ составленная; б) Телеграфъ за 1833 годъ, періодическое изданіе, помнится 10 книжекъ,—послѣднія не получены за послѣдовавшимъ тогда запрещеніемъ сего журнала, ибо вскорѣ дознали направленіе его изданія; с) Рѣчь о Мининѣ Сухорукомъ, произнесенная имъ въ Коммерческой Московской Академіи; d) Русская Библіотека, изданіе Полеваго. Странное дѣло! Я нисколько ни участвовалъ въ ея изданіи, но Николай Алексѣевичъ въ концѣ Библіотеки, именуя особы, въ ней участвовавшія, припечаталъ и мое имя. По причинѣ запрещенія Телеграфа статьи о Нерехотскихъ обычаяхъ и поѣздка моя въ городъ Шую, представленныя Полевому для напечатанія, не были отпечатаны. Невольно припомнишь слова Ивана Михайловича, помѣщенные въ письмѣ его ко мнѣ отъ 10 Августа 1833 года: «Въ Сентябрѣ будетъ судъ всѣмъ журналамъ, кои въ Европѣ сдѣлались набатами. Если замѣчены будутъ съ дурной стороны, то издавать запретятся. Особый наряженъ комитетъ для этого. Дай Богъ къ добру! По пословицамъ: «дружба — дружбой служба — службой» и «правда свѣтлѣ солнца», Полевой далеко увлекся духомъ вольнаго Запада въ Исторіи Русскаго народа, соблазнительной по самому названію. Есть статьи, кои нельзя читать безъ негодованія, напримѣръ о Владимірѣ Мономахѣ, о сраженіи Невскаго при Невѣ со Шведами, страданіи князя Михаила Черниговскаго, отзывъ о Шемякѣ. Есть мѣста слишкомъ вольныя даже противъ религіи, какъ-то, что не поклонился Михаилъ Черниговскій кусту: это былъ-де Монголовъ обычай, а не идолослуженіе; слѣдовательно, угодникъ душу продалъ за полшку! Не говорю о надутыхъ, какъ водяные пузыри, порицаніяхъ, почти вездѣ безъ приличія раскинутыхъ противъ исторіи безсмертнаго исторіографа Карамзина, противу коего критика Полеваго подобна кваканію лягушекъ, мечтающихъ, что отъ ихъ крика громадная пирамида рассыплется.

XVII.

Василій Аванасъевичъ Мичуринъ, докторъ медицины, двоюродный братъ моему родному свояку, отцу Симеону Кострову, родомъ также изъ села Виськовки, причетническій сынъ, Аванасія Діомидова. Мои своякъ происходилъ отъ Василя Діомидовича, іерея Виськовки. По окончаніи курса Костромской семинаріи въ началѣ 1812 г. опредѣленъ

въ Нерехотское уѣздное училище учителемъ, гдѣ и находился до отбытія въ Московскій университетъ. Съ 1815 года лѣтъ чрезъ пять онъ былъ лучшимъ моимъ собесѣдникомъ; но свѣтлая и умная душа его иногда затмѣвалась приверженностію къ Бахусу. Въ такомъ видѣ онъ пришелъ въ Іюль въ учительскую вакацію ко мнѣ въ Тетеринское, когда я совершалъ заутреню. Взошедши ко мнѣ въ алтарь, долго ходилъ по оному, какъ бы въ самозабвеніи; потомъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: «что у васъ долго не говоритъ водка?» Такъ онъ любилъ выражаться, когда требовалъ вина. Но эти минуты были временемъ обращенія на путь правый. Напившись утромъ тогда у меня чаю, когда я за завтракомъ просилъ его водкою, онъ отказался отъ нея. Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія въ моемъ домѣ, гдѣ весь разговоръ нашъ былъ направленъ объ ученыхъ предметахъ, онъ отправился пѣшкомъ, минуя Нерехту, прямо къ Плесу въ усадьбу къ помѣщику Чуприсову, съ коимъ также любилъ разговаривать объ учености. А послѣ испросилъ увольненіе отъ учительства, и если зашелъ въ Нерехту, то именно для того, чтобы получить заслуженное жалованье, съ коимъ пѣшіи тогда же и отправился въ Москву, гдѣ въ Августѣ по выдержаніи экзамена поступилъ въ Московскій университетъ по медицинскому факультету. По окончаніи курса наукъ тамъ выдержалъ экзаменъ на доктора, защищая печатную свою диссертацию. Потомъ черезъ годъ онъ возвратился съ докторскимъ дипломомъ въ Нерехту, пробыравшись на родину для послѣдняго свиданія съ родными. Послѣ того онъ былъ лѣкаремъ въ одномъ изъ Московскихъ человѣколюбивыхъ заведеній, но тамъ чрезъ года два скончался отъ чахотки, получивъ се отъ неумолимыхъ трудовъ для полученія такой высокой степени, къ сожалѣнію медиковъ, цѣнившихъ глубокія его познанія на поприщѣ врачеванія.

XVIII.

Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, членъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, сочинитель Исторіи о Малороссіи, сынъ Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго, сочинившаго Исторію объ Уніи. Когда, послѣ управленія Сибирью, возвратился Дмитрій Николаевичъ въ Москву, то здѣсь, участвуя въ занятіяхъ Общества, онъ по порученію онаго 1832 года разсматривалъ статьи: а) о Лютеранахъ и Реформатахъ подъ властію Польши въ XVIII вѣкѣ, б) о состояніи Янсенистовъ въ томъ же вѣкѣ, в) Историческая записка о монастырѣ преподобнаго Тихона Луховскаго. О первыхъ двухъ статьяхъ Дмитріемъ Николаевичемъ дано мнѣніе: «Сочинитель во многихъ мѣстахъ заимствовалъ изъ Исторіи объ Уніи покойнаго моего родителя, не ссы-

лаясь на оную и добавляя сдѣланныя имъ выписки свои разсужденіями, описалъ событія достопамятныя, не означивъ источниковъ. Вообще статья о Лютеранахъ и Реформатахъ въ Польшѣ весьма любопытна. Но Исторія безъ доказательствъ лишается цѣны; и потому, еслибы сочинитель дополнилъ свое произведеніе ссылкой на авторовъ, которыми руководствовался и исправилъ также нѣсколько слогъ, то оно послужило бы украшеніемъ трудовъ Общества». О Янсенистахъ, не имѣетъ никакого отношенія къ занятіямъ Общества; почему объ статьи и были мнѣ возвращены, первая для соображенія о Тихоновѣ монастырѣ. Иванъ Михайловичъ Снегиревъ отъ 22 Декабря извѣстилъ меня, что Дмитрій Николаевичъ нашедъ «Описаніе Луховскаго монастыря дѣльнымъ и достойнымъ вниманія».

XIX.

Михайло Петровичъ Погодинъ, извѣстный литераторъ на поприщѣ Отечественной Исторіи. Въ засѣданіи 5 Ноября 1832 г., при избраніи моемъ въ дѣйствительнаго члена Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, противились Погодинъ и Строевъ. Въ Мартѣ 1837 г., когда благодѣтель мой Иванъ Михайловичъ Снегиревъ отказался отъ секретарской должности при Обществѣ и вмѣсто его былъ опредѣленъ Погодинъ, то, зная его ко мнѣ нерасположеніе, я съ той поры не представлялъ ничего въ Общество. Въ 1837 г. Погодинъ въ Русскомъ Историческомъ Сборникѣ, издаваемомъ отъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ томѣ 1 напечаталъ статью мою «О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій», представленную въ Общество еще въ секретарство Снегирева и разсмотрѣнную знаменитымъ профессоромъ Московскаго университета Морошкинымъ. Погодинъ, какъ редакторъ Сборника, въ предисловіи къ 1 тому, расхвалилъ разсужденіе о вирахъ и поединкахъ, напечаталъ: «не безъ удовольствія прочтутъ они подобную статью о вирахъ г. Діева, хотя и едва ли согласятся о Греческомъ ихъ происхожденіи». Въ Декабрѣ 1838 г. казначей и членъ Общества Исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Тягъ Алексѣевичъ Каменецкій оффиціально бумагою извѣстилъ меня, что «Комитетъ, составленный при Обществѣ для разсмотрѣнія сочиненій своихъ сотрудниковъ и опредѣленія имъ наградъ за статьи, одобренныя къ напечатанію, назначилъ вамъ за ваши разсужденія о вирахъ ассигнаціями пятьдесятъ рублей», кои деньги тогда же и доставилъ чрезъ почту. Что касается до Строева, то Иванъ Михайловичъ Снегиревъ объ немъ сказалъ мнѣ, что онъ васъ и Костромскихъ ученыхъ, ректора Аѳанасія, Павла Подлипскаго и Арсеньева, унижаетъ на пропалую, васъ за то, что въ одной статьѣ

моей, напечатанной въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, я назвалъ васъ отличнымъ археологомъ онъ же желаетъ одинъ называться археологомъ, какъ путешественникъ, отправленный Археографическою Коммиссіею для собранія отечественныхъ памятниковъ старины. Поэтому я не входилъ съ нимъ въ ученыя сношенія. Какъ равняя звѣзда, Строевъ одинъ хотѣлъ стати на горизонтѣ.

XX.

Ирина Константиновна, Нерехотская мѣщанка, повивальная бабка, родная сестра Ивана Константиновича, супруга матери моей крестной, Параскевы Петровны Зиминной. Блаженной памяти родительница моя изъ дѣтей одного рождала мертвымъ, а другаго послѣ него живымъ, чрезъ младенца. Передо мною сестра моя Марья Яковлевна родилась живою, слѣдовательно моя очередь была родиться мертвымъ. Благочестивые родители мои въ беременность мною употребляли всѣ средства усердной набожности, пѣли молебны; родительница ѣздила, беременная мною, молиться къ чудотворной иконѣ Богородицы, прославившейся въ въ одномъ пѣзъ селѣ за Плесомъ. Я родился дѣйствительно мертвымъ съ Воскресенья на Понедѣльникъ, ночью съ 22 на 23 Октября 1794 г. Бабка Ирина Константиновна откачала меня, и я остался живъ. У меня мертваго одна сторона была бѣлою, а другая темно-кровою. Блаженной памяти родитель мой до такой степени радовался, что я живъ, что еще не исполнился мнѣ годъ моей жизни, какъ на Ростовской ярмаркѣ накупилъ книгъ, въ томъ числѣ Исторію о странствованіяхъ, составленную аббатомъ Прево. Послѣ того нерѣдко онъ ѣздилъ на ярмарку и составилъ библіотеку сотъ изъ пяти томовъ, прежде нежели мнѣ исполнилось 10 лѣтъ. Такое собраніе въ нашей сторонѣ считалось рѣдкостію, особенно у духовныхъ.